

A close-up portrait of a man with a beard and glasses, wearing a plaid shirt. The image is split vertically: the left side is in grayscale, and the right side is in color. The color side has a yellow-to-cyan gradient overlay. A text box is positioned on the right side of the image.

АНДРЕЙ ДРАГУНОВ

ПРОИСХОДЯЩЕЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Андрей Драгунов

Происходящее. Стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22572725

ISBN 9785448359958

Аннотация

Автор благодарен за помощь в произошедшем и происходящем своим друзьям: Игорю Кучину, Сергею Лиходееву, Станиславу Молодковцу, а также «Русской Гуманитарной Миссии» и Евгению Примакову.

Содержание

«Всё то, о чём теперь не вспоминают ...»	6
«В перечислении – просто – книги, тетрадки, брюки...»	7
«Я хотел бы жить на Чёрной речке ...»	9
Классическое	11
Этюд	12
«Во мне осталась только капля счастья ...»	13
В альбом Т. З.	14
«...как маятник в часах – Фуко...»	15
«...и будут в чужих городах надрываться трамваи...»	16
«В газете – только пара-тройка строчек...»	17
«Кипа. Уши. Нос. Маца...»	19
Переезд	20
«Рождество – прибежище мандаринов и слёз!..»	25
«Мёртвые рыбы сушатся на ветру ...»	26
«Однажды ночью, выходя из дома...»	27
«Боже, Боженька!..»	29
«Настрой зрачок...»	30
Возвращение	32
«Длиннее ночи биография души...»	34
«Грызу сухарики, подаренные мне...»	35
Диагноз	36

«Слова, как будто – не из словаря...»	38
«Остановка троллейбуса на площади перед вокзалом...»	39
«У облака нет имени, увы!..»	40
«Кораблик прибыл точно в срок...»	42
Происходящее	43
«Не спешна муть расправленной воды ...»	48
«Ни Марии, ни Иосифа...»	49
«Приехал друг со мной поговорить...»	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Происходящее Стихотворения Андрей Драгунов

© Андрей Драгунов, 2016

ISBN 978-5-4483-5995-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Всё то, о чём теперь не вспоминают ...»

Всё то, о чём теперь не вспоминают —
мужчины, или женщины не помнят —
безделица — без точного названия,
что прежде называлась — любовью.
Действительно пустяк. Так — безделушка.
В глазах слеза. Цветочки полевые...
Испачканная нежностью подушка...
И бесполезное с утра — в итоге — имя,
как два билета в сумке, чтоб доехать —
куда-нибудь и... больше не встречаться.
Так первая кончается потеха...
Чужие люди топчутся на станции.

октябрь 8. 2016 год

«В перечислении – просто – книги, тетрадки, брюки...»

В перечислении – просто – книги, тетрадки, брюки...

Всё, что осталось после твоей кончины.

Всё, что не сгрызли мыши, не поделили между собой старухи —

говорят так положено – раздавать на память вещи мужчины —

одиноким женщинам. Станный, смешной обычай — старые вещи на память – чужим соседям...

Это, как письма – кому-то – на память – до неприличия, или, как подглядывать через неплотно закрытые двери.

Список – не длинный – всё больше бумаги, бумаги, бумаги... опять же письма.

Не ко всем сохранились конверты и... разный почерк — настроение... или – так – варианты жизни.

Иногда без марки, но с красной пометкой – Срочно! — лично в руки. Исписанные блокноты.

Перечёркнутые страницы – видимо был не в духе...

или опять, как всегда, потерял кого-то,

или снова были «божественные» старухи

и отвлекали... Осень в цветном развитии —

выбрал же время – чтобы ещё до снега

и до какого-нибудь торжественного события,

то есть, пока звезда не свалилась с неба

и не стала каплей, высушенной в ладонях —
сберегаешь её, как обычный кусочек соли,
то есть, как слезу, упавшую, вдруг, сегодня —
не потому что так надо, а просто – больно...
И никакого равенства, мира, братства —
в это время года. Мёртвые ждут отправки...
Старухи ждут, соответственно, вывоза тела, чтобы
убраться,
то есть, помыть полы и... получить все справки
о выбывании с данных квадратных метров —
данного жителя, что и не житель больше
и что он отъезжает до сто первого километра —
подальше отсюда – поближе к Польше,
что ему так нравилась. Краков, Пшемьсль, Радом.
Города, откуда Европа, как на ладони...
и кажется, что ещё чуть-чуть и свобода рядом —
может быть завтра... а для него – сегодня,
потому что уже не скажешь – Давай созвонимся
и назначим встречу в следующий понедельник...
Потому, что вынос тела сейчас состоится.
Потому что – тетрадки, книги, брюки, письма...
еженедельно!
И тоска бессрочна. Убытки за счёт семейства,
что тебя забыло – ещё до твоей кончины...
Совпадение, может быть, но – если в крови злодейство —
то пусть достаются бабкам – вещи умершего мужчины.

октябрь 9. 2016 год

«Я хотел бы жить на Чёрной речке ...»

Я хотел бы жить на Чёрной речке —
не на той, где Пушкин с дыркой в пузе
отправлялся, как сказали в вечность —
на другой, где самосвалы грузят
свежим щебнем. Где вода о камень
точит время – медленно, упрямо...
Где костра неугасимый пламень
согревает путника с вокзала,
где теперь восторженные лица —
проводящих... и пирожки с картошкой
у буфетчицы, что тоже веселится,
продавая водку – на дорожку —
к пирожкам и к проездным билетам...
Не состаришься, покуда не доедешь,
став свидетелем движения при этом...
и в присутствии болтающих соседей —
ни о чём. О пирожках с картошкой —
сколько едешь – столько покупаешь,
созерцая провода в окошке,
станции, которые не знаешь,
но любишься простой кирпичной кладкой —
кто строитель?... – проводник не знает...
Водка, пирожки, коньяк украдкой...

только покурить не разрешают,
чтобы переезд не слишком сладким
был, наверное... Но кто об этом знает.
Речка. Пушкин. Пирожки с картошкой.
Самосвал со щебнем – чтобы было
на отсыпку кладбища в Россошках,
где войну водою смыло. Смыло.

октябрь 9. 2016 год

Классическое

Вдали от суетного дня,
после шести, после заката —
нет никого возле меня —
ни дочки, ни жены, ни брата,
ни, даже, друга, что один
поддерживал в часы печали
среди ахтубинских равнин —
не обозначенных в начале —
творения – средь прочих дел.
Господь не разглядел пейзажа...
или не очень-то хотел —
зачем ещё одна поклажа —
в перемещении туда,
откуда – только горсткой пыли,
что тоже, впрочем, ерунда,
которую потом забыли...
Развеяли, как стыд и срам,
по улицам и подворотням.
По плешинам и головам...
Один – навеки – как сегодня.

октябрь 9. 2016 год

Этюд

Гюстав Флобер... Тугие паруса...
Я список тел прочёл наполовину.
Закончить бы уже в мои года,
а я всё тискаю, с устатку, середину...
и пробую ещё поговорить —
немного — о любви, о смысле жизни,
о том, что некого и не в чем обвинить...
А женщины глупее и капризней,
чем, выложивший яйца, утконос,
которому всегда не та погода —
для выведения своих птенцов... Вопрос —
в Австралии какое время года
сегодня? Осенью считают поросят...
Гюстав Флобер — каких-нибудь пеструшек,
что по утрам так сильно голосят,
распугивая взбалмошных старушек
кудахтаньем. Такие времена...
Тугие паруса — за ними ветер —
гоняется... Туда-сюда — устал.
Никто теперь за это не в ответе.

октябрь 9. 2016 год

«Во мне осталась только капля счастья ...»

Во мне осталась только капля счастья —
воспоминание о том, как это было —
когда-то, где-то. Медленное – Здра-сьте... —
как будто камушки волною смыло. Мило...
или мело уже во все пределы —
Свеча сгорала на столе... Свеча сгорела...
Оставила лишь выгоревший хвостик...
и никого, к кому заехать в гости.

октябрь 10. 2016 год

В альбом Т. З.

Всё сказано! Всё выпито – прощай!
Всего пол жизни – большего не надо!
Не открывай мне дверь, не жди на чай!
Я там – ты тут... И осень где-то рядом.

октябрь 10. 2016 год

«...как маятник в часах – Фуко...»

...как маятник в часах – Фуко,
покрывшийся немного пылью —
гляжу в окно – почти ничто —
стул, о котором все забыли —
так деревяшка... Так – пустяк!.. —
оставленный для украшения
в пустой квартире. И никак
не победить в таком сражении.
Качается... скрипит, скрипит —
и стул, и я – в пустой квартире.
Луна из-за ветвей глядит,
как лампочка в глухом сортире.

октябрь 15. 2016 год

«...и будут в чужих городах надрываться трамваи...»

...и будут в чужих городах надрываться трамваи.
И зеркало будет грешить, напрягая сетчатку —
коверкая линии... Где-то с фабричных окраин
будут стучать каблуки, разбивая брусчатку —
из недобитого века. Количество линий —
соизмеримо с количеством складок на платье...
Только хватило бы и каблуков и извилин —
не соскользнуть и добраться до тёплой кровати,
где непременно дождутся — и папа, и мама...
только не тот, кто был первым сегодня, под утро...
так как луна — полным светом — в оконную раму
сеет всё доброе, вечное — ежеминутно.

октябрь 15. 2016 год

«В газете – только пара- тройка строчек...»

В газете – только пара-тройка строчек
о том как жил состарившийся мальчик...
Для украшения – аленький цветочек —
стеклянный – из Венеции, что дальше —
теперь уже, чем кладбище от дома,
где близкие, друзья... Вон там – священник,
что говорил – Он с Господом знакомый!.. —
почти, как друг и брат, и... современник —
об этом ни пол слова в заголовке —
какой-то вымысел, что сдох от перепоя...
Уж написали бы, что от «палёной» водки
во время ежедневного застолья —
была бы полуправда ежедневно,
что кто-то, где-то, снова – в одиночасье —
без суеты и лишнего волнения
и без Божественного, Мать Его, участия...
Без Сына и т. д... Святого Духа.
Сгорел, как свечка, будто на работе...
А так – всё суета, томленье духа —
корреспондент в тревоге и заботе
о хлебушке... да всё о поцелуе —
кто был последним, кто там рядом ляжет?..
Кто первым о покойнике забудет?..

а кто ни слова правды не расскажет...
Мели Емеля – будь с тобой, что будет —
на печке мягко место – спать не жёстко?
Бумага быстро о тебе забудет —
сотлеет самокруткой у подростка.

октябрь 15. 2016 год

«Кипа. Уши. Нос. Маца...»

Кипа. Уши. Нос. Маца.
Слишком строгий взгляд отца —
никакого вдохновенья —
только чахлое волнение.
Я спросил – Который день?... —
он сказал – Иди ты... в пень!.. —
я пошёл, а там дрова —
на траве и – ни хрена —
ни души, то есть, в округе...
И ни слова о подруге,
что была так хороша!..
Кипа, уши, нос, маца...
и в ушах слова отца —
Помни пень!
Там будет день!.. —
вот весь сказ для молодца.

октябрь 15. 2016 год

Переезд

1

Густой водой наполнила мне чашку —
уже под утро — чтобы уходил...
«Теперь всё, что моё — уже не наше!..» —
сказала, будто кто-то отрубил...
и дверь закрыла, не сказав — До завтра —
теперь другое время исчисление...
как будто кто-то выстрелил внезапно,
предотвратив тем-самым преступление...
Война закончилась!.. — кто победил не знаю.
Ни раненных, ни боевых трофеев...
Лишь над дорогой выцветшее знамя
напоминает о конце недели.

октябрь 20. 2016 год

2

Всё возвращается домой —
почти на круги бытия...
Мой стол с дырявой головой...
Там — где-то — ты, здесь где-то — я...
и жизнь уже не повернуть —
в другую сторону — назад —

единожды проложен путь —
сквозь ветер, дождь и старый сад,
что снова под моим окном.
Аптека, провода, фонарь —
не Блоковский – я о другом...
Аптека, площадь, сны, букварь —
уже зачитанный до дыр...
Какая-то неразбериха —
кто моет раму?.. кто ест сыр?..
Подруга? Мама? Повориха?.. —
с лицом, как этот самый сыр,
но старше, судя по морщинам —
плюс через лоб сплошной пунктир,
доставшийся ей от мужчины,
что был не дружен с головой
и сгинул где-то под Полтавой —
все возвращаются домой —
не все с почётом или славой.

октябрь 21. 2016 год

3

Смотрю теперь на вражеское небо —
с той стороны, откуда не дозваться,
не дозвониться... Свет из самолёта,
как будто говорит – пора расстаться —
не называя мне ориентира,
то есть – в какую сторону лететь.

Смотритель маяка маячит глазом,
но неопределённо – слишком низко,
как будто говорит – Постой, постой...
и предлагает вместо неба – море,
но с той же глубиной. Смотрю вокруг —
фонарь скользит по самой, самой кромке,
как будто бы – и он мне говорит,
что дальше делать – список не велик,
на самом деле. Всё, как в старой сказке!... —
идёшь направо... или в преисподнюю —
в одном исподнем – никаких поблажек.
Управишься с делами – будь свободен —
на все четыре. Гул от самолёта
раскраивает пасмурное небо.
Фонарь напротив, будто ждёт кого-то —
застыл на месте, освещая камни.

октябрь 21. 2016 год

4

Ты уже не сравниваешь новый вид за окном с тем, что
видел —
просто вглядываешься в жёлто-сине-зелёную раму неба,
в пустое блёклое облако, сложенное в виде крыльев,
что распадается, едва появившись – ещё до обеда.
Грибники целый день бесполезно ищут свою добычу —
в это время осени плодовит лишь – отстрел пернатых,
что вполне естественно, как не сказать – привычно,
чтоб не искать потом – ни правых, ни виноватых...

И куда ни глянь – повсюду сплошная осень
в подтёках ржавчины – всё из того же – жёлто-сине-
зелёного неба...

и собачий лай – безо всякого эха разносится —
даже не лай, а какая-то новая форма бреда —
о грядущих буднях и тяжёлой собачьей доле,
но никто не хочет вслушиваться в чьей-то брехливый
ропот —

лучше в песок, как страус или, как партизан –
в подполье —

всё равно всё кончается всеобщим пожизненным сроком.

октябрь 21. 2016 год

5

Остаёшься один на один с подушкой —
разрываешься надвое между стеной и стулом
в изголовье – с водой и таблетками от удушья —
ещё не с ядом, чтоб навсегда уснула —

и боль, и память... Каждую ночь – сначала!

Пробуешь выспаться, а в результате – утро,
что бьётся в стену, как лодка в ступень причала —
толи в истерике, толи, уже, как будто —

в смертной агонии. Вокруг непривычный север
с бесконечно-свинцовым, вечно-свинцовым небом.

Там же, в небе, режет ухо бесконечным нытьём
пропеллер —

в погоне за счастьем – от завтрака и до обеда...

В это время – обычно Ангелы с крыш слетают —
продлевают пространство рядом с той самой крышей —
до невозможного, до времени затихания,
когда только стон полуночный можно слышать
и... ни звука более, когда торжество прогресса —
лишний повод не ездить друг к другу в гости...
Подушка смята – ей больше не интересно
от чего ты трясёшься... От боли? Тоски? От злости?..

октябрь 22. 2016 год

«Рождество – прибежище мандаринов и слёз!..»

Рождество – прибежище мандаринов и слёз!
За иголку потянешь – сошьётся платье —
праздничное с блёстками из искусственных звёзд.
Плюс – селёдка под шубой и радостные объятья
после первой выпитой, то есть, когда звезда —
где-то на треть – из облака или тучи —
уже замаячила, но не сказала – куда,
чтобы не портить праздник – на всякий случай —
дальним походом. Выглянула и молчит...
лишь волхвы распознают – куда – и запомнят место...
и кому-то достанется радости – быть в ночи —
и Отцом, и Сыном, и Духом Святым – повсеместно.

октябрь 22. 2016 год

«Мёртвые рыбы сушатся на ветру ...»

Мёртвые рыбы сушатся на ветру —
давно не встречал печальней — уже — пейзажа.
Вниз головой, как будто в одну дыру —
в рыбу вечность, где обнаружат пропажу —
слишком поздно — и то, если повезёт —
никто не пишет истории мёртвой рыбы,
а она не скажет — точно — куда плывёт,
даже, если могла бы — рыбы, увы, молчаливы...
и у них не спросишь — откуда? В какую даль?..
Человек болтлив перед смертью — и то не скажет —
где со временем заканчивается печаль...
Остаётся мёртвая рыба в живом пейзаже.

октябрь 22. 2016 год

«Однажды ночью, выходя из дома...»

Однажды ночью, выходя из дома,
на посторонний звук не отвлекайся —
иди к своей определённой цели.
Не прикасайся к людям незнакомым,
к собакам тоже ты не прикасайся —
они не добрые к тебе – на самом деле.

Не трогай самой разнесчастной кошки —
твоя забота ей, как рыбе зонтик —
она не для того здесь греет лапы,
чтобы любой, идущий по дорожке,
нашедший цель себе на горизонте,
мог запросто, вот так – её облапать.

Потрогай лучше дом на повороте —
он помнит как тебя перевозили —
уже давно... когда все были живы —
ещё – не в датах, что на обороте,
за кованной оградой, что закрыли...
Проход – по праздникам – на радость старожилам.

Попробуй, выходя – стать пейзажем,
каким-нибудь случайным украшением

всего того, что ночью – не заметно,
где фонари – лишь так – для антуража
где, даже, тень застыла без движенья,
решив не суетиться до рассвета,

когда росой вспотеют утром травы
и петухи обрадуются трижды...
Ты будешь далеко уже от дома —
в той части света, где не надо славы,
а всё вокруг – мгновения той жизни,
что долго так была тебе знакома.

октябрь 23. 2016 год

«Боже, Боженька!...»

Боже, Боженька!
Расскажи мне сказку
про белого бычка
и про вечное лето,
чтобы я уснул,
как положено пасынку —
без отца и матери,
хотя есть она где-то...
За горами и долами,
за рекой татарскою,
где меня не запомнили...
Расскажи, пожалуйста.

октябрь 23. 2016 год

«Настрой зрачок...»

Настрой зрачок
на вид вокруг,
о, дурачок,
мальчишка, друг.

О, тихий отголосок дня,
услышь меня!

Ещё не стон.
Уже не крик...
Пустой вагон —
седой старик.

О, бесконечный шорох дня,
услышь меня!

Подай мне знак —
где ты, где я —
совсем пустяк
к исходу дня.

О, шум октябрьского дня,
услышь меня!
Купи билет

в один конец —
на склоне лет —
дурак! Беглец!

О, смолкшее биенье дня,
услышь меня!

октябрь 23. 2016 год

Возвращение

Соседи разделили со мной хлеб
и жареную рыбу разделили.
Вина налили – тоже – на обед —
не как чужие – до краёв налили
и... завели печальный разговор
о том, что жизнь прожив за половину —
у них бандиты отобрали двор,
чтоб ставить свою чёрную машину
и жарить мясо – прямо во дворе...
– Как в этой, тьфу, американской фильме!..
Дымится чай на кухонном столе,
баранки в вазочке, как в детстве мы любили.
Увы, теперь другие времена...
Соседи – как-то быстро постарели.
Иных уж нет... А посланные «на»
вернутся, говорят, в конце недели,
отбыв свой срок. Гляжу с той стороны,
откуда взгляд раскраивает стену —
на сношенные некогда штаны
и на грядущую погоды перемену...
На выцветший рисунок на стене —
обои клеил кто-то из соседей —
уже давно, тогда ещё – при мне...
Теперь уже совсем не те соседи.

Давид уехал, Марка больше нет...
Сию, как у разбитого корыта,
гляжу на эту трещину в стене —
за ней вся жизнь, как будто, на открытке.

октябрь 23. 2016 год

«Длиннее ночи биография души...»

Длиннее ночи биография души,
когда не спишь и думаешь о смерти —
о том её фрагменте, что спешит
всех обогнать – хотя бы на рассвете,
не дожидаясь времени уже —
какой-то его малой части – даже,
не думая о бьющейся душе,
заботясь только о её пропаже,
то есть – о выгоде. Во внеурочный час,
когда и петухи не донимают —
она твоих не открывает глаз —
уже – а лишь сильнее зажимает
и морщит лоб, и затыкает рот
какой-то тряпкой, чтобы ни пол звука,
ни вздоха, даже... лишь холодный пот,
как кровь течёт на выпавшую руку
из-под подушки, из-за головы,
когда уже не пробуешь проснуться,
чтобы последний раз сказать – Увы...
или попробовать ещё раз улыбнуться.

октябрь 23. 2016 год

«Грызу сухарики, подаренные мне...»

Грызу сухарики, подаренные мне
соседкой Шурой.
Листаю Фасмера в осенней тишине
и пью микстуру.

Сухарики из Пензы привезла
соседка Шура —
там младшая сестра её жила
пила микстуры.

А в сентябре – недавно – умерла.
Соседка Шура
её похоронила, как могла
и пьёт микстуры.

Грызу сухарики сию
соседки Шуры
и вспоминаю всех, кто жил
и... пил микстуры.

октябрь 24. 2016 год

Диагноз

Крепкий утренний кофе и первая сигарета —
ежедневное самоубийство!

Запах ночного лекарства при этом —
продолжает клубиться
где-то рядом. В воздухе пахнет сыростью и любовью.
В партитуре знак бекара смешивается с бемолью.

С морковью, кровью, томатным соком и водкой —
жизнь постепенно движется к завершению.

Утренняя процедура, как та любовная лодка —
необходимость не требующая разрешения,
так как — без неё никуда,
ибо — вокруг вода...

Липкий воздух от крепкого кофе и дыма.

Продолжительность действия — не вызывает жалость,
поскольку — печаль в финале — не истребима.
Не восполнима...

и вопрос соседей — а сколько ему осталось?... —
только лишний повод поговорить о своём здоровье —
никто и не думал кидаться к тебе с любовью

или с чем-то ещё — похожим на хлебный мякиш —
голод не тётка — сами мы тут голодаем,

впрочем, так было и в прошлом, и в настоящем,
а что там, в будущем – сами того не знаем...
Знали бы прикуп – жили бы, точно – в Сочи,
но никто не сведущ, чтобы о том пророчить.

Ведь кукушка – тоже – правду не накукует —
точно соврёт, чтобы другим не повадно
было спрашивать... А какую-нибудь другую —
скажет доктор, ну, как её – правду —
и сразу понятно в какой ты теперь пустыне...
Сигарета выгорела... Утренний кофе стынет.

октябрь 24. 2016 год

«Слова, как будто – не из словаря...»

Слова, как будто – не из словаря.
Из воздуха... Как с дерева листочки,
что медленно, к исходу октября,
в холодных лужах расставляют точки.
Рисуют не знакомый мне портрет,
по крайней мере – я его не видел.
Похож на деда, но, увы, не дед —
его не перепутаешь с другими.
...и подписи, чтоб не обозначать
текущий день – его конкретной датой —
вот человек, вот полка, вот кровать,
вот шарф, что человек носил когда-то...
и длинные слова, что говорил
означенный портрет – узнать бы имя —
ведь было же оно, когда он был
и... не могло быть занято другими,
по крайней мере, думаю, что так.
Казалось бы пустяк – всего лишь имя,
но на воде не выведешь никак —
листва молчит. Словарь грешит с другими.

октябрь 24. 2016 год

«Остановка троллейбуса на площади перед вокзалом...»

Остановка троллейбуса на площади перед вокзалом.

Август месяц, а ливень, как будто осень...

и длинные тени снуют, точно в тех подвалах,
откуда потом вперед ногами выносят...

Жду приятеля. Сжимаю в кармане сотню —
всё, что осталось после недолгих странствий,
но нужно ехать дальше ещё, в Капотню —
там у приятеля женщина, как оказалось
и какое-то время можно постоловаться...

Но приятель не едет, а дождь подливает масло
в затухающий пламень, а паровоз на станции
сообщает, что времени очень мало
до отправления... Сжимаю в кармане сотню —
сейчас бы выпить, но это последний стольник...

Приезжает приятель. Поезд везёт в Капотню.

Засыпаю, уткнувшись в стекло, как раньше бы в столик.

октябрь 24. 2016 год

«У облака нет имени, увы!...»

У облака нет имени, увы!

О, облако, над старой русской речкой,

где волны, из-за всякой ерунды,

беснуются, совсем, как человечки

в своём дворе, в песочнице, когда

их загоняют бабушки к обеду,

что, в сущности, всё та же ерунда...

Не то что – облако – плыви себе по небу,

не чувствуя преграды на пути.

Плыви себе, плыви – без раздраженья —

куда тебе положено – плыви,

определяя только направление

движения. Брось невод свой, рыбак —

поймаешь облако – на счастье, как рыбку.

И, если будешь в жизни не дурак,

то, даже, бабка не сотрёт с лица улыбку...

О, облако! Как часто ты меня

своим присутствием спасало от потери,

от вымысла не радостного дня,

когда я часто повторял – не верю!.. —

но выживал. И встречи ждал с тобой,

даже, когда ты странствовало долго

и только неба свод над головой —

ни облачка – и только речка Волга

напоминала часто о тебе —
барашками – бесформенными с виду,
что медленно на тающей волне
ждут нового прилива и... отлива.
И снова ты, когда уже не ждёшь,
как камушек в огромном чистом поле,
когда другого рядом не найдёшь —
и надо ли?... Век не видать мне воли!
О, облако, в каких теперь краях?
Где путешествуешь? Кому теперь смеёшься?
Я жду тебя на этих берегах —
шар обогнув, я знаю, ты вернёшься.

октябрь 25. 2016 год

«Кораблик прибыл точно в срок...»

Кораблик прибыл точно в срок,
в назначенное место. Прибыл
и, к берегу приткнув свой бок,
стал набираться новой силы,
чтобы куда-нибудь отплыть,
куда-нибудь, чтоб не у кромки —
где только — Быть или не быть...
звучит из радио колонки.

октябрь 25. 2016 год

Происходящее

Ты где-то там на берегу —
уже другой реки – не этой,
где я теперь в свою дуду
кромсаю серые рассветы
и порчу внешнюю среду.

Стучусь, как рыба об косяк,
когда кончается терпенье,
когда какой-нибудь дурак
нарушит мирное течение
происходящего. Вот так!

Живу, как баловень судьбы —
один – на вольном поселенье —
хочу – туды, хочу – сюды...
и никакого сожаленья,
что не видны мои следы.

Кромсаю чёрным белый лист,
то есть, пишу в своей тетрадке —
почти, как старый фаталист —
не длинно и не слишком кратко.
Герой трагедии... Артист.
Читаю по ночам словарь

великого живого Даля,
как первоклассник свой букварь,
плюс – справочник микстур Видаля,
чтобы продлить свой календарь.

Живу, как будто бы всегда
так жил – не замечая скверны,
но то, что горе – не беда —
не выучу уже, наверно,
поскольку – слёзы – не вода.

Пишу в тетрадь стихи, стихи,
как заповедь и, как молитву —
отчитываюсь за грехи,
в заборе отомкнув калитку,
чтобы вошли все, кто могли.

Сплю, вжавшись в деревянный пол —
в отсутствии, увы, кровати,
пью крепкий кофе перед сном,
чтобы не страшно было спать мне,
уткнувшись в деревянный пол.

Курю, обрывками газет
закрученные, сигареты,
поскольку – денег вовсе нет,
но нужен никотин при этом,
чтоб не сойти совсем на «нет».

Смотрю в огромное окно
на домики из прошлой жизни —
лет сто уже идёт кино,
а то и больше. Только мысли
об этом — дольше всё равно.

Прислушиваюсь к тишине —
она вокруг, она повсюду,
как дерево в моём окне —
сухое, старое, как чудо —
оно — всегда, оно — везде.

Разглядываю облака,
что медленно, но мимо, мимо,
как будто тихая река —
лениво, как бы... и пугливо,
оглядывая берега.

Считаю птиц на проводах —
не воробьи и не синицы —
не те, что прячутся в кустах,
но ночью — точно — будут сниться,
поскольку тоже в небесах —

не где-нибудь, а на земле —
поближе к дому и знакомым,
к кормушке ближе и к воде,
к, оставшимся в ней, насекомым,
как никогда, или — нигде.

Сосед бормочет ерунду
по поводу – а не пойти бы...
А я в ответ – ду-ду, ду-ду...
Рассветы серы и игривы
с происходящим. Жду беду.

...и кажется – от фонаря —
спасает форточка и штора,
иль буква – та – из словаря,
не справившись – уже – с которой,
терзаешь утром звонаря —

за неумеренность и прыть,
что, кажется, была не кстати...
но чтобы что-то изменить
опять не достаёт кровати,
чтобы уснуть, заспать, забыть...

Проснуться, вспомнить что вчера
ещё страдал недосыпаньем —
по поводу любви – игра
с последующим вычитаньем —
сегодня, завтра – во вчера.

Смотрю, как в извиненьях ночь
готова с фонарём расстаться —
в пять тридцать... Чья-то плачет дочь...
В пять сорок пять иду на станцию,

чтоб выпить первый жгучий Scotch.

октябрь 25—26. 2016

«Не спешна муть расправленной воды ...»

Не спешна муть исправленной воды —
перед зимой. Не вскрикнет зимородок
от вдохновения над заводью, увы.
Лишь дворник рад количеству находок —
от отдыхающих, которые всегда
уверены, что с ними не случится —
наткнуться на орудие труда —
какого-нибудь очевидца —
из прошлого... И ветер меж ветвей
безумно рад безлистным деревьям,
где можно гнать теперь – скорей, скорей
остатки осени. Вода – до посиненья —
ждёт льда. Холодный, колкий, ломкий лёд —
надежда спрятаться за чешуёй погоды —
с возможностью, что-нибудь найдёт —
когда-нибудь – в другое время года.

октябрь 26. 2016 год

«Ни Марии, ни Иосифа...»

Ни Марии, ни Иосифа,
ни ребёночка в яслях...
Дело было как-то осенью
и... совсем в других краях.
Ангел, будто бы, помешанный —
вместе с облаком — к земле —
кинулся и... канул в вечности...
облако лишь на воде
задержалось отражением...
и теперь глядит, глядит —
теребит воображение —
будто что-то говорит...
Облако, пушок воздушный,
где твой Ангел, где крыло?
Но исчезло простодушно...
ветром, ветром унесло.

октябрь 26. 2016 год

«Приехал друг со мной поговорить...»

Приехал друг со мной поговорить.
Глаза блестят, как будто бы, от ветра...
или песка... « Не буду дальше жить!...».
Закат в окне зелёно-фиолетов
и говорит о заморозках он,
которые грядут в конце недели.
Не выхожу, как летом, на балкон,
поскольку, даже, птицы улетели,
не дожидаясь первых «белых мух».
В окне – почти зима. Вселенский холод
и... возгласы рассерженных старух,
что если не война, то скорый голод
сведёт в могилу. тискаю мундштук —
закончились – табак и сигареты...
На коврике уснул мой милый друг
под вой сирен и шорохи – при этом —
соседских блядей – кончился словарь.
Подсвечник «мыльный» весь от стеарина.
На остановке «форменная» тварь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.